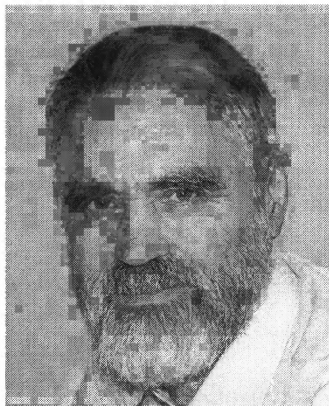

Потери науки

Памяти Б.П. Агафонова

29 июля 2007 г. трагически оборвалась жизнь Бориса Прохоровича Агафонова – доктора географических наук, ведущего научного сотрудника лаборатории неотектоники и геоморфологии Института земной коры СО РАН, всю свою творческую жизнь с увлечением изучавшего рельеф и экзоморфолитодинамику Байкала и его окружения.

Борис Прохорович родился 22 марта 1940 г. в дер. Топкино Татарской АССР в крестьянской семье. В 1955 г. поступил в ремесленное училище в г. Волжске, которое закончил в 1957 г., приобретя специальность столяра, и до 1959 г. проработал в стройтресте г. Йошкар-Ола. Об этом времени он вспоминал мало и неохотно, столярных навыков не демонстрировал, зато нередко занимался плетением корзин и других изделий из ивовой лозы, чему научился в детстве – достаточно тяжелом и голодном, но, тем не менее, на всю жизнь в душе оставшимся светлым воспоминанием.

В 1959 г. Борис Прохорович поступил на географический факультет Казанского университета и во время учебы в нем побывал на производственной практике в Северной Атлантике, что, возможно, стимулировало его тягу к большим водным массам как фактору морфолитогенеза. По окончании университета Б.П. Агафонов поехал на Байкал и в 1964–1975 гг. работал в Лимнологическом институте СО РАН, в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1975 г. Б.П. Агафонов работает в Институте земной коры и в 1990 г. успешно защищает докторскую диссертацию по материалам многолетних исследований современной экзоморфолитодинамики Байкала и окружающих территорий. Эти результаты были изданы в виде монографии, куда вошли описания по трассе Байкало-Амурской магистрали, являющиеся одними из лучших научных исследований по этой комплексной тематике.

Борис Прохорович всю свою научную жизнь отдал Байкалу. Он любил это уникальное творение Природы, можно сказать, страстно, волновался за его судьбу, за чистоту его вод, далеко не всегда встречая понимание окружающих. Главной темой его научных исследований всегда оставался Байкал, а точнее морфолитодинамика его береговой зоны. Б.П. Агафонов развернул на берегах Байкала сеть профилей, опорных точек и своеобразных научных миниполигонов по измерению изменений рельефа и подсчету баланса вещества в береговой зоне и озерной котловине в целом. Эти наблюдения он проводил в течение более чем 30 лет, что позволило создать надежно обеспеченную фактологическую модель современной морфолитодинамики Байкальской впадины, в том числе изучать влияние сейсмических событий на литодинамические потоки.

Идея морфолитодинамических потоков, сформулированная Н.А. Флоренсовым, – идея, вообще сложная для региональных воплощений, была, пожалуй, вторым научным коньком Б.П. Агафонова, и он с увлечением ею занимался. В последнее время он обратил особое внимание на анализ участков береговой зоны Байкала, сложенных песчаными толщами. Им были изучены особенности золотого микрорельефа, потоки песчаных наносов, начинающиеся на наветренных берегах озера и поднимающиеся на значительную высоту надводного берегового склона, их влияние на растительность – здесь за счет выдува материала возникают не только т. н. ходульные деревья, но заметна их защитная реакция от ветрового воздействия в виде расстилания нижних ветвей по земной поверхности – факт, можно сказать изящный в научном отношении и одновременно хорошо показывающийся, с какой наблюдательностью и тщательностью Борис Прохорович проводил свои исследования.

В своих работах по Байкалу он всегда обращал внимание на экологическую ситуацию. Находки на берегу кусков органического вещества неясного происхождения всегда тревожили его, возникало желание разобраться во всем досконально и окончательно. Но этого, как правило, не происходило в силу особенностей современной российской действительности.

Как и большинство научных работников, Борис Прохорович был сдержан и не любил “заглядываний” в свой внутренний мир. Но его большие и выразительные голубые глаза всегда ясно отражали его чувства и состояние, и здесь он уже ничего не мог поделать. При неудовольствии или нежелании что-либо делать он пытался, как говорят, привольндывать (“играть в ваньку”), но глаза опять выдавали. Впрочем, этот “методический прием” приходится нередко использовать большинству из нас... Он был уютен в общении, но не без простой хитрости, привнесенной из трудного крестьянского детства и достаточно умилительной – ведь каждому из нас хочется сохраниться в детстве! Кстати говоря, это надежный способ достижения жизненного успеха и личного счастья.

Его в последние смутные времена глубоко волновали судьбы России и их он, так или иначе, увязывал с судьбой его научной любви – с Байкалом. Кажется, для него Россия и Байкал были не только нераздельны – это было одно.

Сколько ему еще предстояло сделать, и сколько бы он еще сделал! Как истинный заядлый посетитель научной библиотеки, сколько бы он принес нам сообщений о новых вышедших работах сотрудников лаборатории, и всегда с неизменным поздравлением. Он был хороший рассказчик, и жаль, что поздно стал писать работы для журнала “Природа” и подобных изданий. Очень любил творчество писателей “русского стиля”, в первую очередь, В. Распутина. Хороший семьянин, он всегда с теплотой и гордостью говорил о своих близких, а его последняя и всеобъемлющая радость – две внучки.

Нам его всегда будет не хватать. Мы прощаемся с нашим дорогим коллегой стихами его любимого поэта Сергея Есенина:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

*Лаборатория неотектоники
и геоморфологии ИЗК СО РАН,
Геоморфологическая комиссия РАН,
Ассоциация геоморфологов России,
Редколлегия журнала “Геоморфология”,
Лаборатория геоморфологии ИГРАН*